

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.17223/18137083/80/12

Функции авторских легенд и преданий в романе А. В. Иванова «Золото бунта»

Анна Леонидовна Калашникова

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

Аннотация

Рассматривается роль преданий и легенд в романе А. В. Иванова «Золота бунта». Выявлено, что авторский корпус псевдофольклорных текстов выполняет оценочную, сюжетообразующую и миромоделирующую функции. Предания и легенды выступают как средства характеристики персонажей и маркируют знаковые точки романного хронотопа. В то же время авторское мифотворчество выходит за пределы художественного текста и переносит свои миромоделирующие свойства в реальное географическое пространство Урала, которое подвергается ремифологизации.

Ключевые слова

Алексей Иванов, «Золото бунта», уральский текст, легенда, предание, литература и фольклор

Для цитирования

Калашникова А. Л. Функции авторских легенд и преданий в романе А. В. Иванова «Золото бунта» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 140–152. DOI 10.17223/18137083/80/12

Functions of author's legends and traditions in the novel by A. V. Ivanov "The Rebellion's Gold"

Anna L. Kalashnikova

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

Abstract

The novels of Alexei Ivanov are a noticeable phenomenon in modern Russian literary life and attract the attention of literary critics. An important role in the artistic structure of the novel "The Rebellion's Gold" is played by folklore-mythological elements, which are the original author's system of pseudo-folklore texts created according to the model of traditional oral folk art. The focus of our attention is the functional significance of legends and traditions,

© Калашникова А. Л., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 140–152

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 140–152

manifold on the pages of the novel by A. Ivanov. It was revealed that the author's legends and traditions in "The Rebellion's Gold" are distinguished by polyfunctionality. On the one hand, they are used as a means of assessing and characterizing the characters, playing the role of "folk truth," a moral landmark with which the actions of the characters of the novel are measured. On the other hand, they are used in the process of plot formation, ensuring the dynamics of events. The most important function of the author's "folklore" in the novel is the world-modeling. With the help of folklore texts, the novel chronotope is saturated with magical elements that are relevant in modern neorealist works. At the same time, the author's mythology goes beyond the limits of the artistic text and transfers its world-modeling properties to the real geographical space of the Urals, which undergoes remifologization. Thus, the author's pseudo-folklore text turns into a way of reconstructing ancient meanings and creating a new national identity in a modern cultural situation.

Keywords

Aleksei Ivanov, "The Rebellion's Gold", Ural text, legends, traditions, literature and folklore

For citation

Kalashnikova A. L. Functions of author's legends and traditions in the novel by A. V. Ivanov "The Rebellion's Gold". *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/12

Уральский романист А. В. Иванов на сегодняшний день является одним из самых известных и читаемых авторов в России. Показательна оценка Л. А. Колобаевой, утверждающей, что «писатель Алексей Иванов – крупное, может быть, крупнейшее явление нашей современной литературы» [Колобаева, 2019, с. 377]. Роман «Золото бунта», опубликованный в 2005 г., сразу обратил на себя внимание читателей и вызвал неоднозначную реакцию критиков. Так, Юрий Володарский сравнил роман Иванова с гомеровской «Одиссеей» и джойсовским «Улиссом»¹, в то время как Сергей Беляков отмечает, что «дурновкусие, избыточность, вычурность, неточность в метафорах и сравнениях – давние спутники этого писателя» [Беляков, 2010, с. 10]. В литературоведческих работах, часто рассматриваются историческая и фольклорно-этнографическая основы «Золота бунта» (см. [Вальчак, 2018; Галиев, 2011; Сироткина, Ганущак, 2019; Шаронова, 2016] и др.). Однако современные филологические исследования фольклоризма и мифопоэтики романа всё же нельзя назвать исчерпывающими. Насколько нам известно, к настоящему времени не существует специальных работ, посвященных анализу функций исторических и топонимических преданий, а также языческих и христианских легенд в «Золоте бунта», несмотря на то, что это произведение активно изучается в аспекте мифо- и геопозтики [Абашев, Абашева, 2010; Гуськова, 2018]. Цель данной статьи заключается в выявлении художественного значения авторских преданий и легенд, многообразно представленных на страницах романа.

В последнее время появляется всё больше исследований, посвященных выявлению роли фольклорных и мифологических элементов в творчестве современных русских и зарубежных писателей. Как отмечает Т. А. Золотова, «молодые поэты и прозаики охотно прибегают к фольклорным образцам для воссоздания социально-этнографической реальности и поля идентичности персонажа (Антон Ботев), включают фольклор в процесс мифотворчества, создания персональных вселенных (Лета Югай, Д. Зарубина, К. Букша)» [Золотова, 2018, с. 26]. Вместе

¹ См.: Володарский Ю. Голливуд на Чусовой // Сайт Алексея Иванова. URL: <http://ivanproduction.ru/recenzii/zoloto-bunta/gollivud-na-chusovoj.html> (дата обращения 29.07.2021).

с тем уровень фольклоризма текста в индивидуальных художественных системах различен.

В. В. Головиным и О. Р. Николаевым [2013] представлено максимально полное описание возможных вариантов взаимодействия литературы и фольклора: конструирование этнографической реальности; создание литературных версий фольклорных жанров; использование фольклорных архетипов и др.

Думается, что в современной литературе принципы включения фольклорной традиции в художественный текст не меняются, однако в последние десятилетия вопрос о фольклоризме литературных произведений становится необыкновенно актуальным в аспекте дискуссий о новейших модификациях реализма.

Литература начала XXI в. наследует художественные открытия писателей XX столетия, способствовавшие появлению новой парадигмы художественности, в основе которой лежит «универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 585]. Этот феномен, определяемый Н. Л. Лейдерманом и М. Н. Липовецким как постреализм, характеризуется синтезом реалистических, модернистских и постмодернистских черт и представляет собой явление, выходящее за пределы одной национальной литературы и открывающее перспективы формирования нового типа культурного сознания [Там же, с. 584].

Сложность синтетической природы современного реализма порождает терминологическое многообразие в его обозначениях. Л. Г. Кихней и В. А. Гавриков указывают на существование целого ряда понятий, обозначающих наличие в реалистическом повествовании трансцендентальных (мистических) элементов. В литературоведческих трудах такой реализм может именоваться магическим, фантастическим, духовным, мистическим и т. д. [Кихней, Гавриков, 2020, с. 8–19].

Исследователи отмечают, что с момента публикации дебютной фантастической повести «Охота на “Большую Медведицу”» на страницах журнала «Уральский следопыт» в 1990 г. и до романов последних лет художественный метод А. Иванова подвергся существенным видоизменениям. По мысли С. С. Белякова, писатель последовательно проходит путь от фантастики к реалистической прозе и к социальной сатире [Беляков, 2010, с. 8]. Однако фантастические элементы, источниками которых часто служит фольклор, появляются в произведениях писателя на протяжении всего творческого пути, становясь своего рода «визитной карточкой» прозы Иванова.

Л. А. Колобаева в статье, посвященной роману А. Иванова «Тобол» (2016–2017), отмечает, что «своеобразие поэтики романа определяется тем, что мощное реалистическое письмо в нем прославляется образностью другой, иррациональной природы – стихией чудес, таинственных, фантастических видений, предвещающих будущее персонажей, магией язычества (видения Айкони, Хомини, таинства шаманства вогулов и пр.). Всё это сближает художественную ткань романа с реализмом магическим» [Колобаева, 2019, с. 377]. Эти наблюдения в полной мере можно отнести и к более раннему роману писателя – «Золото бунта».

С точки зрения С. С. Галиева, миф в «Золоте бунта» представлен «не как вспомогательный элемент, а как основа, как смысловой стержень всего романа» [Галиев, 2011, с. 89]. По мнению В. В. и М. П. Абашевых, мифологично само пространство прозы А. Иванова: «Переживание ландшафта у Иванова даже не священное, но именно нуминозное – вне нравственности и вне рационализации <...> Отсюда – чувство мистического, фантастического, ощущение ауры мифологизма

даже там, где речь не идет о конкретной мифологии» [Абашев, Абашева, 2010, с. 87].

Художественно-методологическая и жанровая специфика романов А. Иванова большинством ученых объясняется уникальным сплавом географических, исторических, культурно-этнографических и фольклорно-мифологических компонентов, неразрывно взаимосвязанных в мире произведений писателя, в котором пространство и время, сохраняя свою историческую и топографическую конкретность, нередко наделяются условно-символическими характеристиками, достигая уровня мифологических универсалий.

Примечательно, что сам автор, в «заметках об устройстве» романа «Золото бунта», концентрирует внимание именно на географических и фольклорно-этнографических элементах художественного целого. Говоря о специфических чертах уральского фольклора, писатель указывает кратковременность бытования преданий, обусловленную быстрой сменой исторических, культурных и промышленных реалий. В целом, как отмечает А. Иванов, эта ситуация типична для региона, в котором «фольклор эволюционирует вместе с промышленностью» [Иванов, 2019, с. 379]. Также писатель акцентирует внимание на некоторых аспектах поэтики и проблематики романа.

1. Структурной основой сюжета является не история пугачевщины и не технология сплава «железных караванов», а география региона [Там же, с. 381].

2. Все «народные» предания и легенды в романе А. Иванов придумал сам на основе дошедших до наших дней фольклорных текстов и культурных архетипов [Там же, с. 382–383].

Таким образом, авторская интенция направлена как на сохранение исторической и культурной памяти, так и на возрождение «народных» преданий в современной «постмодернистской» ситуации. Расставляя в качестве семиотических точек на карте маршрута героя географические объекты, автор вводит в роман целую систему преданий и легенд, которые формируют образ Урала в современных культурных условиях. Не удивительно, что роман очень быстро становится источником нового уральского фольклора.

Стоит отметить, что активная регионально-просветительская деятельность А. Иванова, который участвовал в создании фильма «Хребет России: Пермский край», поддерживал литературный проект «Пермь как текст» и фестиваль «Сердце Пармы», а также внес вклад в «теорию горнозаводской цивилизации», обуславливает рассмотрение его произведений как части локального медиапроекта. Как отмечает Д. Роджерс, «магический историзм» А. Иванова подчеркнута регионален и кропотливо вписан в ландшафт Пермского края [Rogers, 2019, p. 108].

В. В. Абашев и А. В. Фирсова рассматривают прозу А. Иванова как существенный фактор развития внутреннего туризма, обращая внимание на влияние творческих практик писателя на повышение attractiveness Прикамья [Абашев, Фирсова, 2013, с. 189].

В аспекте прагматической функции художественных произведений, ярко представленной на примере творчества А. Иванова, особую роль играет фольклоризм прозы уральского писателя, обеспечивающий возможность создания новой мифологии посредством художественной литературы. В этом смысле фольклоризм Иванова потенциально стремится к фольклоризации – закреплению авторского текста в народном сознании как исконно фольклорного. Таким образом, художественный текст, в котором реконструированы древние смыслы, может вы-

ступать одним из средств внедрения нового социального мифа, оказывающего идеологическое воздействие на читательское сознание.

Указанные принципы взаимодействия художественного текста и реального пространства, несомненно, расширяют перспективы фольклоризма современной литературы.

Этнографическая и фольклорно-мифологическая проблематика романа затрагивает сложный комплекс религиозных верований, характерный для уральского мира: в пространстве романа А. Иванова действуют вогулы-язычники, христиане-никоитанцы, раскольники, а также представители разнообразных сектантских толков, среди которых выделяются истязельцы, придуманная писателем раскольничья секта. Урал предстает в романе как своеобразная граница миров – языческого и христианского, природного и человеческого. Подобная дихотомическая структура мира определяет движение сюжета романа, а народные легенды и предания в нем, в свою очередь, образуют сложный семантический комплекс, тесно связанный с основными сюжетными линиями. Для разграничения жанров несказочной фольклорной прозы воспользуемся определением С. Н. Азбелева, который преданием называет эпический прозаический рассказ с установкой на достоверность, «основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов», легенда, в свою очередь, имеет неправдоподобный, фантастический характер и описывает «нечто необыкновенное» [Азбелев, 1965, с. 11–12].

В романе А. В. Иванова можно выделить три основные группы преданий и легенд. Во-первых, целый ряд текстов отражает конфликт русского и вогульского миров, за которыми закрепляются разные семиотические сферы: лес – вогульское пространство, а река – «дорога русских, что без ума и страха» (Иванов, 2021, с. 68)², как говорит в романе старик-вогул Шакула. Он же рассказывает Осташе о катастрофических изменениях, произошедших в мире с приходом русских: «Как вы, русские, начали тут хозяйничать, сбесился Ханглавит. Каждую весну по лугам, по лесам течет, кричит, как медведь, скалы грызет, деревья рвет» (с. 86). Начало этого процесса старик возводит к деятельности Ермака, которая связана с нарушением сакральных границ: по словам Шакулы, Ермак сбросил идола лесных богов в воду, несвойственную для них стихию, в результате чего река Чусовая (Ханглавит) приобрела свой бурный нрав, и появилась цепь скал-бойцов (окаменевших богов) по берегам, которые топят барки: «Стоят теперь скалами, в злобе бьют ваши каюки, топят вас» (с. 69).

Языческая анимистическая картина мира вводит в роман особое представление о душе. Так, Шакула рассказывает легенду о богах реки, называемых куль и вакуль, которые смотрят на мир рыбьими глазами. Эти языческие боги-демоны, как и духи скал, питаются человеческими душами, которые Шакула приносит им в жертву. Таким образом, языческие верования и древние представления о колдовстве в романе обретают статус реальной силы, дающей власть над стихийным, природным миром, достигаемой страшной ценой – гибелью живой души.

Христианские же легенды, бытующие на Чусовой, напротив, связаны с идеей спасения. Такова легенда о святом Трифоне Вятском, который плавает по реке в лодке со свечой и собирает души умерших бурлаков. Сплавщики верят, что человека, увидевшего Трифона, ждет скорая смерть, если святой поклонится ему.

² Далее текст романа цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

В данном случае в романе отражаются христианские представления о спасении души, поскольку знание срока своей смерти, доступное лишь святым и праведникам, дает человеку возможность подготовить душу к предстоянию перед Господом. В романе А. Иванова святой Трифон является сплавщику Кольвану Бугрину, но не кланяется ему: смысл этого предзнаменования раскрывается в тексте постепенно и связан с деятельностью раскольничьей секты истязателей, которые придумали «восьмое таинство» – разлучение души с телом. Это таинство практикуется среди сплавщиков-истязателей, и люди, подвергнутые ему, становятся невидимыми для глаз языческих богов-демонов, поэтому их барки проходят мимо бойцов нетронутыми: «Вашего Коны люди без души плавают, бесы их не видят» (с. 402). Судьба Кольвана в романе демонстрирует, что противоестественное изъятие души из тела в попытке обхитрить бесов оборачивается сокрытием человека также и от Божественных очей и невозможностью спасения.

Показательно, что старцы-истязатели, подобно вогулам, признают власть древних богов, в их картине мира парадоксально соединяются несоединимые категории христианства и язычества. Так, старец Гермон, комментируя уральские легенды о Хозяйке Медной горы и олене с серебряным копытцем (вогульском Яныг-Янгуе, Великом Лосе), говорит Осташе, что земля по-прежнему принадлежит древним богам:

– Понимаешь? – спросил Гермон. – Ермак идолов покидал в Чусовую, да что идол? Идол только ургалан. Бесы вогульские все равно из Чусовой повылазили. И не будет у нас ничего, если у беса не отнимем. Только из зла добро сделать можно, понимаешь? А как при этом душу сберечь?.. (с. 402–403).

Свою задачу старцы-истязатели видят не в том, чтобы оградить людей от зла, а в обретении власти над бесами, заставляя их служить своей воле. В рассуждениях Конона и Гермона кощунственно искажаются христианские представления о добре и зле. Так, для доказательства своей точки зрения старец Конон рассказывает Осташе легенду о праведнице, старице Платониде, добрые намерения которой оборачиваются трагическими последствиями, и делает вывод, что человек в мире не может быть носителем и проводником добра: «Есть зло во имя добра или просто зло» (с. 326).

В целом, в романе идеи, связанные со служением добру или злу, спасением или утратой души, поиском правильного пути в мире, обыгрываются на разных уровнях сюжета: как в судьбе персонажей (старцы-истязатели Конон и Гермон, Осташа и его отец и пр.), так и в исторических отсылках и аналогиях (Ермак, Пётр III, Пугачёв).

Двойственность уральского мира накладывает отпечаток на судьбу главного героя романа – Остафия Перехода. Его жизнь осмысливается сквозь призму христианской антропологической концепции и языческих верований. В частности, важную роль в судьбе главного героя романа играет вогульская легенда о Холитане Хар Ампе – Завтрашнем Псе, который умеет «брать завтрашний след, которого сегодня еще нету» (с. 423).

Холитаном Хар Ампом называет Осташу Бойтэ, вогульская ведьма, которая вместе с Шакулой с помощью колдовства похищает души людей и, принося их в жертву языческим богам, получает возможность управлять стихийными силами. Называя своего возлюбленного Завтрашним Псом, Бойтэ, подобно другим героям, видит необыкновенную судьбу, уготованную Осташе, его избранность. Вогулка,

будучи воплощением стихийной демонической силы, искушает героя возможностью обретения власти над миром.

– Ты будешь вместо Коны лодками командовать! А я тебе помогать стану! Какую назовешь – такую лодку разобью о скалу, ослеплю сплавщика! Кого укажешь мне – того соблазну, душу украду и сгублю! Ты будешь мой муж, а я – хозяйка твоей реки! (с. 439).

Христианское начало в образе главного героя связано с его исконно правильными представлениями о добре и зле, стремлением сохранить свою душу чистой и незапятнанной, не отдавая ее на хранение старцам. Будучи раскольниковым и сплавщиком, Осташа тем не менее не примыкает к истязателям, а следует пути отца. Образ отца в данном случае имеет двойную семантику: это и отец Осташи Пётр Переход, честное имя которого главный герой хочет восстановить, и христианский Бог (в некоторых случаях в романе наблюдается контаминация этих образов, например, Осташа в одном из эпизодов молится не Богу, а батю). Кроме того, с образом главного героя и его отца связаны евангельские мотивы романа. Эпиграфом к «Золоту бунта» служит цитата из евангелия от Матфея: «Пётр сказал Ему в ответ: “Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде”. Он же сказал: “Иди”» (с. 8).

Именно путь по воде организует сюжет романа А. Иванова, полное название которого звучит как «Золото бунта, или Вниз по реке теснин». В соответствии с традиционными мифологическими представлениями Чусовая семантизируется в романе как «река жизни», а скалы-бойцы по ее берегам представляют собой испытания для человека. Следует отметить, что образы камней в романе соотносятся со значением имени Пётр, актуализирующем в тексте свой евангельский смысл. В финале, уже разгадав тайну клада и убедившись в невиновности отца, Осташа называет Петром своего сына, вспоминая библейскую трактовку этого имени: «И я говорю тебе: ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (с. 707).

Другой пласт преданий и легенд в романе связан с темой клада – «царевой казны», зарытой в землю после пугачёвского восстания. В традиционном фольклоре сюжет о «закрытом» кладе также входит в цикл исторических преданий о Пугачёве.

В романе А. Иванова отражаются основные народные представления о кладах. Согласно традиционным верованиям, существуют добрые и злые (закрытые) клады. Последние закапывали с заклятиями: «на столько лет»; «на столько-то голов»; чтобы взяли те руки, которые зарывали и т. п. [Соколова, 1970, с. 189]. Такой клад охранялся демоническими силами и не давался безвозмездно, обязательно требуя что-нибудь взамен, часто – человеческую жертву. Поисками клада в романе «Золото бунта» занимаются братья Гусевы, Кольван, Осташа и Бакирка-пытать, преследуя разные цели. Братья Гусевы хотят раздобыть клад ради корысти, в то время как полоумный Бакир ищет клад «по простоте душевной», используя народные приметы и подсказанные Шакулой «волшебные» слова «Кивыр, кивыр, ам оссам!» («Пещера, пещера, я дурак!»). Кольван ищет «цареву казну», чтобы выкупить свою душу, заключенную в родильный крест, у старцев-истязателей. Однако разгадать загадку Петра Перехода и найти клад удастся лишь главному герою романа, для которого золото Пугача становится единственным способом восстановить честное имя своего отца и пошатнувшуюся веру в «батину правду». Найденный Осташей клад приводит его к обретению душевного спокойствия,

возвращению на путь Отца, однако внутреннее преобразование достигается в соответствии с логикой переходного обряда через символическую смерть героя и воскрешение его в новом качестве. Помимо физической смерти, которой Осташа неоднократно избегает, в сюжете романа представлены многообразные ситуации гибели души, связанные в том числе и с темой поиска клада. Любовь Осташи к Бойтэ содержит отсылку к фольклорной быличке о цветке папоротника, который позволяет добыть любой клад [Соколова, 1970, с. 191]. Бойтэ в сцене камлания открывает Осташе свое настоящее имя – Сёритан Аквсир (цветок папоротника). Это имя маркирует нечеловеческую природу Бойтэ, которая предлагает возлюбленному свою волшебную силу в обмен на половину его души: «Я без души останусь, но ведь ты меня в жены взял, Холитан Хар Амп, мой эрнэ эруптан! Твоя душа нам на двоих будет!» (с. 444). В качестве человеческой жертвы, которая, подобно цветку папоротника, помогает открыть клад, выступает Шакула, носящий в себе несколько душ. Бегство Осташи из дома Бойтэ после убийства Шакулы вызвано инстинктивной потребностью сохранить целостность души, которую нельзя ни изымать из тела, ни делить на части.

Закономерно, что сразу же после колдовского ритуала Осташе является хранитель клада, в роли которого выступает Пугачёв.

Образ Пугачёва в романе подвергается переосмыслению по сравнению с традиционными фольклорными преданиями о нем, имевшими широкое распространение на горнозаводском Урале, в которых Пугачёв предстает как справедливый государь, тайно разведывавший «обиды и отягощения крестьянства от бояр и заводчиков» [Там же, с. 138]. Собиратели фольклорных преданий констатировали примечательную деталь, неоднократно зафиксированную в рассказах информантов: пугачёвское восстание становится началом нового летоисчисления [Там же, с. 113].

В романе А. Иванова рассказы о Пугачёве часто вводятся как воспоминания героев о реальных событиях из их жизни. Но следует отметить, что и для них пугачёвское восстание становится своеобразной точкой отсчета времени. С Пугачёва начинается новая «кровавая» история, и одновременно происходит трагический излом в жизни главного героя, судьба которого искажается после зверского убийства любимой девушки пугачёвцами:

– Мне Маруська Зырянкина была нужна, – с болью ответил Осташа. – Она одна меня любила просто так, как Осташку Петрова. Не как лучшего сплавщика, не как хозяина Чусовой, а просто как парня из соседней избы... А ты ее убил (с. 449).

Точка зрения на события бунта, на царскую или самозванческую природу Пугачёва становится важным показателем мировоззрения и ценностных ориентиров героев романа. В целом, можно говорить о многозначности образа Пугачёва: в «Золоте бунта» он выступает не только как благой царь или самозванец, как реальный исторический деятель или герой легенд, а также как инфернальный двойник отца Осташи (Петра Федорыча) и самого главного героя.

Одна из романских ипостасей Пугачёва – хранитель клада – находит прямое соответствие в фольклорной традиции. В. К. Соколова отмечает, что Разин и Пугачёв в народных преданиях принимают на себя функции распорядителей кладов и тем самым как бы замещают их древних «хозяев», приобретая сверхъестественные способности (например, неуязвимость). Также исследовательница указывает, что в большинстве рассказов о сокровищах Разина и Пугачёва выражены соци-

ально-утопические идеалы: «По идейному смыслу и морфологическим особенностям эти произведения составляют раздел преданий о скрывающихся избавителях» [Соколова, 1970, с. 209].

Однако образ Пугачёва, явившийся Осташе, ничем не напоминает народного избавителя, в нем доминируют страшные демонические черты. Пугачёв утверждает свое родство с главным героем, загубившем свою душу: «Мы едины с тобой, – сказал он. – Мы свои души сатане не продавали. Мы их сами загубили почище сатаны. Такой же ты, как и я!» (с. 451). После встречи с inferнальным хозяином клада Осташа вновь оказывается на пороге жизни и смерти, едва не бросившись в прорубь, однако спасается, символически отдаляясь от демонического и приближаясь к человеческому началу: не случайно спасшего его Федьку Милькова Осташа называет человеком: «Федька, человек... – шептал он, – Федька...» (с. 456).

Тема поиска пугачёвского клада разворачивается в романе А. Иванова от начала и до конца, организуя «детективную» линию сюжета, и пересекается с важнейшими проблемами романа: поиск истинного пути, становление главного героя как сплавщика, возвращение честного имени и, разумеется, спасение души.

Третий большой блок легенд и преданий в «Золоте бунта» актуализируется во время сплава «железных караванов» по реке Чусовой. Проплывая мимо скал-бойцов, Осташа вспоминает рассказы о них, которые слышал с детства: о Еленке и ее песнях, о Неназванном бойце, о камне Дыроватом, о Ермаке, о Шилкове, об Ульяновке-Чусовлянке и др. Комплекс этих текстов и знаний героя о реке в романе обозначается как «книга Чусовой», страницы которой листает герой в пути (эта метафора соотносится с мифопоэтическим образом «реки жизни»): «Книга Чусовой была давно прочитана Осташей, заучена наизусть, а всё равно всегда оставалась новой, понимаемой заново, как притчи из Священного Писания» (с. 508). Образ книги актуален в русской и мировой литературе на протяжении всей ее истории, являясь, по определению Э. М. Афанасьевой, мощным культурным символом, соотносящимся с идеей письменного жизнемоделирования и жизневосприятия [Афанасьева, 2007, с. 8]. В современной литературе, наследующей художественные открытия постмодернизма, по мнению Е. Ч. Богдалевич [2019], книга выступает как важнейший элемент пространственной организации текста. Эта тенденция, несомненно, присутствует в романе А. Иванова, в котором образы реки и книги, народные легенды, предания и Священное Писание сливаются в единый миромоделирующий комплекс.

Поскольку топонимические предания в романе, как и в фольклорной сказочной прозе, понимаются как рассказы о действительно бывших событиях, то книга Чусовой является символом народной памяти о прошлом, о людях, имена которых «вписаны» в ландшафт, а их судьбы обретают статус универсальных моделей поведения. Предания и легенды «книги Чусовой» делятся на два типа: в одних хранится память о самопожертвовании и спасении, в других – о проклятии и утрате души. Как бы то ни было, все они становятся универсальными свидетельствами прежнего опыта, этическими ориентирами, которые помогают герою выбрать свой собственный путь в теснинах.

Особую группу мифологических представлений образуют в тексте романа сплавщицкие рассказы об оборотной Чусовой и Неназванном бойце. Оборотная Чусовая – «бесова сторона божьего мира», обладает прогностической функцией: сплавщик, проплывший по ней, увидит только те скалы, на которых будут биться его барки. Однако эта уловка, по мнению бурлаков, ведет к неременной гибели

на Неназванном бойце, представляющем собой демоническую ловушку для сплавщиков, ступивших на обратную сторону мира.

Анализ авторских преданий и легенд на страницах романа «Золото бунта» позволяет выявить их полифункциональность. Во-первых, они выполняют функцию характеристики персонажей романа, многие легенды и предания прямо или косвенно проецируются на судьбы героев, получая в тексте двойную характеристику народной правды и реальных жизненных примеров ее воплощения. Примечательно, что не жития святых, не Священное Писание, а именно «народные» тексты играют роль нравственного ориентира в мире романа А. Иванова.

Во-вторых, предания и легенды используются в процессе сюжетообразования: движение основной сюжетной линии организуется посредством былички о кладах, она же позволяет выявить значение поступков героя, совершаемых на пути к цели.

В-третьих, легенды и предания связаны с пространством Урала. Они позволяют ярко продемонстрировать конфликт между языческим и христианским миром. Эту функцию выполняют как легенды о языческих божествах, так и предания о скалах-бойцах. Бойцы выступают как семиотические точки на жизненном пути сплавщика, шире – в судьбе человека, и семантизируются как испытания для души, которые должны быть пройдены.

И, наконец, авторский текст, созданный по модели фольклорного, в ситуации культурного вакуума превращается в способ реконструкции древних смыслов и создания новой национальной идентичности. Таким образом, роман А. Иванова помимо художественной функции приобретает еще и прагматическую. Художественный хронотоп, насыщенный фольклорными смыслами, органично взаимодействует с реальным географическим пространством, в результате чего текст буквально врастает в ландшафт, создавая новую семиотическую модель уральского мира. Феномен подобной неофольклоризации, которая призвана восстановить утраченные связи с прошлым, является яркой чертой современной литературы и заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 81–90.

Абашев В. В., Фирсова А. В. Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3 (23). С. 182–190.

Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М.: Наука, 1965. С. 5–25.

Афанасьева Э. М. Феномен книги в художественном мире М. Ю. Лермонтова: Учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 114 с.

Беляков С. С. Географ и его боги. Алексей Иванов // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 8–22.

Богдевич Е. Ч. Топос «книга» в литературе постмодернизма: структура, семантика, специфика функционирования // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия «А». 2019. С. 76–82.

Вальчак Д. Языческий идол, культурный артефакт или православный символ веры (мотив иконы в произведениях А. В. Иванова) // *Art Logos*. 2018. № 3 (5). С. 99–118.

Галиев С. С. Язык мифа в пейзаже романа А. В. Иванова «Золото бунта» // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2011. № 1. С. 87–89.

Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Н. Е. Котельникова*. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 16–54.

Гуськова А. А. Демонология географии // *Вопросы литературы*. 2018. № 6. С. 50–68.

Золотова Т. А. Фольклоризм в творчестве молодых российских авторов // *Традиционная культура*. 2018. Т. 19, № 3. С. 20–29.

Иванов А. В. Золото бунта // *Текст и традиция*. 2019. Т. 7. С. 377–385.

Кихней Л. Г., Гавриков В. А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков. М.; Амстердам: Тардис, 2020. 240 с.

Колобаева Л. А. Русский исторический роман по-новому: «Тобол» Алексея Иванова // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2019. Т. 24, № 3. С. 376–389. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-376-389

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: В 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1968–1990. 688 с.

Сироткина Т. А., Ганущак Н. В. Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // *Вестник угроведения*. 2019. Т. 9, № 2. С. 279–285.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.

Шаронова Е. А. «Мысль историческая» в романе А. В. Иванова «Золото бунта» // *Новая наука: От идеи к результату*. 2016. № 9-2. С. 147–151.

Rogers D. 'Bilbao on the Kama'? The Perm cultural project and its critics (part 2) // *Bulletin of Perm University. Political Sciences*. 2019. Vol. 13, no. 2. P. 99–114.

Список источников

Иванов А. В. Золото бунта. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 708 с.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poeziya prostranstva v proze Alekseya Ivanova [Poetry of space in prose by Alexei Ivanov]. *Siberian Journal of Philology*. 2010, no. 2, pp. 81–90.

Abashev V. V., Firsova A. V. Tvorchestvo Alekseya Ivanova kak faktor razvitiya vnutrennego turizma v Permskom krae [The work of Alexei Ivanov as a factor in the development of domestic tourism in the Perm Territory]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013, no. 3 (23), pp. 182–190.

Afnas'eva E. M. *Fenomen knigi v khudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova: Ucheb. posobie* [The phenomenon of the book in the poetic world of M. Yu. Lermontov: Textbook]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2007, 114 p.

Azbelev S. N. Otnosheniye predaniya, legendy i skazki k deystvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) [Relation of traditions, legends and fairy tales to reality (in terms of distinguishing genres)]. In: *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'* [Slavic folklore and historical reality: Coll. of sci. art.]. A. M. Astakhova, B. N. Putilov, V. K. Sokolova. (Eds.). Moscow, Nauka, 1965, pp. 5–25.

Belyakov S. S. Geograf i ego bogi. Aleksey Ivanov [Geographer and his gods. Alexey Ivanov]. *Voprosy literatury*. 2010, no. 2, pp. 8–22.

Bogdevich E. Ch. Topos “kniga” v literature postmodernizma: struktura, semantika, spetsifika funktsionirovaniya [Topos “book” in the literature of postmodernism: structure, semantics, specifics of functioning]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2019, pp. 76–82.

Galiev S. S. Yazyk mifa v peyzazhe romana A. V. Ivanova “Zoloto bunta” [The language of myth in the landscape of the novel by A. V. Ivanov “The Gold of Rebellion”]. *Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 2011, no. 1. pp. 87–89.

Golovin V. V., Nikolaev O. R. “Uzelkovoie pis'mo” fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeystviya v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni [“Knotty lettering” in folklore: pragmatics of literary and folk interaction in Russian literary texts of modern times]. In: *Navstrechu Tret'emu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov* [Towards the 3rd All-Russian Congress of folklorists: Coll. of sci. art.]. N. E. Kotelnikova (Comp., Ed. in Ch.). Moscow, State Republican Center of Russian Folklore, 2013, pp. 16–54.

Gus'kova A. A. Demonologiya geografii [Geography demonology]. *Voprosy literatury*. 2018, no. 6, pp. 50–68.

Ivanov A. V. Zoloto bunta [The gold of rebellion]. In: *Text and tradition: al'manach* [Text and tradition: almanac]. St. Petersburg, Rostok, 2019, vol. 7, pp. 377–385.

Kikhney L. G., Gavrikov V. A. *Proza L'va Naumova v kontekste “misticheskogo realizma” v russkoy literature 20–21 vekov* [Prose of Lev Naumov in the context of “mystical realism” in Russian literature of the 20th–21st centuries]. Moscow; Amsterdam, Tardis, 2020, 240 p.

Kolobaeva L. A. Russkiy istoricheskiy roman po-novomu: “Tobol” Alekseya Ivanova [Russian historical novel in a new way: “Tobol” by Alexei Ivanov]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2019, vol. 24, no. 3, pp. 376–389. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-376-389

Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t.* [Modern Russian literature: 1950–1990s: in 2 vols]. Moscow, Akademiya, 2003, vol. 2: 1968–1990, 688 p.

Rogers D. ‘Bilbao on the Kama’? The Perm cultural project and its critics (part 2). *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019, vol. 13, no. 2, pp. 99–114.

Sharonova E. A. “Mysl' istoricheskaya” v romane A. V. Ivanova “Zoloto bunta” [“Historical thought” in the novel by A. V. Ivanov “The gold of rebellion”]. *Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu*. 2016, no. 9-2, pp. 147–151.

Sirotkina T. A., Ganushchak N. V. Etnicheskie obrazy khanty i mansi v regional'noy khudozhestvennoy literature [Ethnic images of Khanty and Mansi in regional fiction]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019, vol. 9, no. 2, pp. 279–285.

Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical traditions]. Moscow, Nauka, 1970, 288 p.

Val'chak D. Yazycheskiy idol, kul'turnyy artefakt ili pravoslavnyy simvol very (motiv ikony v proizvedeniyakh A. V. Ivanova [Pagan idol, cultural artifact or Orthodox

symbol of faith (motif of the icon in the works of A. V. Ivanov)]. *Art Logos*. 2018, no. 3 (5), pp. 99–118.

Zolotova T. A. Fol'klorizm v tvorchestve molodykh rossiyskikh avtorov [Folklorism in the work of young Russian authors]. *Scholarly almanac "Traditsionnaya kul'tura" (Traditional Culture)*. 2019, vol. 19, no. 3, pp. 20–29.

List of sources

Ivanov A. V. *Zoloto bunta* [The gold of rebellion]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2021, 708 p.

Информация об авторе

Анна Леонидовна Калашикова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Anna L. Kalashnikova, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 27.01.2022;
одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 13.03.2022
The article was submitted 27.01.2022;
approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 13.03.2022*